

2.2 Апология исследователю образа

Возможно ли, приходя к этой живописи, отделить путь внутреннего созерцательного делания, как некий особенный, отличный от пути делания общего, общежитийно – монашеского, семейного, общинного, государственного, обще-имперского. Путь личный неизбежно пустынный внутри пустыни либо вне её, путь личного предстояния Богу. Станет ли этот путь от-странённым от мира, крайне не приемлемым для людей. Возможен ли путь иной, вне аскезы, вне узкой стези и тесных врат – ориентированный на «лучшее в человеке», на гуманистическое созерцание, философское осмысление

эстетических совершенств, чувственные восторги и радости созерцания художественной красоты. Едва ли верно помышлять о разделении путей, но, скорее бы, об ущербности состояния без гармоничного со-присутствия, со-существования аскезы и эстетики. И допустимо ли даже предполагать наличие различных путей к общей цели, не умаляя, не ниспровергая их. Возможно ли размежевать аскетику и литургию, частное жизненное пространство и общий дом, город-поселение и государство – империю. Представляется, что не в нашем случае, когда речь идёт о России и православии, как, быть может, о последнем рубеже. Безусловно, и на общем пути позможны разобщающие крайности, заводящие то ли в тупик, то ли в кювет... крайности «пупоглядства» исихастского толка, когда тонкие сферы Бого-познания, Бого-общения сводятся к психо-физической практике «стяжания»... впрочем, что мы знаем и о ней... Экстремизм совершенного раз-общения, расщепления, рас-церковления узнаем как в крайнем протестантствующем индивидуализме, так и в крайнем порабощении личности общностью, довлеющего косного формализованного цезаре-папизма, трансформирующегося с само-ценностную структуру управления, подавления, подчинения, поглощения и подмены живой Церкви государством. Во что из-вертится эта общность, это государство, если оно утратит свою «соль», духовную живую вертикаль, если не эта внешняя организация даже ставит задачей для себя – содействие Богу, дабы, если уж не возвести, но сохранить, охранить царство мира сего с его гражданами, уберечь - для Царствия не от мира. Известна звонкая сентенция о государственном назначении: если уж не обрести рая на земле – то, по крайней мере, не допустить на земле ада. Обращая взгляд вспять, не обнадёжимся ли – рассмотреть в минувшем отсветы века золотого... века отечественных побед и торжествующего достоинства, простирающих нам спасительный, утешительный образ бытия земного на пути к небесному. Внешне обветшалый образ – ободряет несказанно. А крайности взаимоотношения личности и со-общества? - и та и другая крайности свидетельствуют о симптомах серьёзной болезни. Доводить до крайности свои рассуждения, либо исходить в рассуждениях из этих крайностей дело незавидное. Тем более, достойно ли мысли, умозрительно доведя рассуждения до крайности, нарочито отрицать доведённое до абсурда. Истинным видится органично сочетаемые в иерархичной со-образованности: пост и праздник, радость и скорбь, напряжение и отдых, вдох и выдох, - так сочетаются общее и личное, как дух, душа и тело в человеке живом, - нераздельно и неслиянно, подобно природам во Христе. И не убоимся столь уж высокого уподобления. Всякая крайность - признак болезни, ведущей в крайнем своём неуврачёванном запустении – к гибели или свидетельствующей о скорой гибели крайне занедужившего целого. Истина на срединном пути - выражена в практике многих и многих живших прежде, живущих ныне чад, возлюбленных Богом. Что есть истина – звучал вопрос Пилата – и услышал прокуратор: Истина - личностна, Сам Бог Христос – Истина. Истинен – путь к Нему, к Богу, воплотившемуся и жившему среди нас, живущему благодатию сущей и понын, к Богу превечному и грядущему. Истина – Бог - отражена и в образах, созданных людьми, познавшими Истину – Христа. Попытаемся открыть для себя хоть бы отчасти - очертания этой Истины, вкусить Её полноты от образов Феофана. Сумеем ли испросить для себя рас-творения этого образа, обнаружим ли милостью Господней этот образ и в себе, предстоя перед дивными про-изведениями кисти изографа Феофана. Не разделим мысли о сугубой аскетичности и от-решённости, от-чуждённости этих образов от мира. Возможен ли от-решиться от мира образ, созданный в миру и для созерцания – миром при служении, деятельном уподоблении предстоящих людей - вочеловеченных образов – Богу. Может ли

от-решиться образ от Первообраза? Здесь видится предельный и важнейший к уразумению смысл пре-ображения Господнего, - празднованию Преображения посвящён храм, на это посвящение настроена вся программа росписи. Образ пре-ображения Бога перед уподобляющимися Богу людьми. Преображение Господнее сияет своими образными смыслами и не имеет места, смеем так пред-полагать: не имеет в пространстве живописи места для того, чтобы изобразить собственно живописную композицию Преображения Господнего, - это в Преображенском-то храме, где престол освящён во имя празднования Преображения – нет образа горы Фавор, нет из-ображения поверженных апостолов перед просиявшим обликом Иисуса Христа, в облачениях, «как снег», нет Илии, Моисея... но есть люди, - уподобляющиеся Богу образы, находящиеся как бы внутри вспышки этого света. Допустим таковое в Преображенском храме и не убоимся дерзновения своего допущения: в живописном убранстве, мысленно восстановленном от монументальных утрат нет и не было композиции Преображения Христова. Мы не сможем найти никаких обоснований этому предположению, не найдём и опровержений. Основываемся исключительно на личной, пусть отчасти фантазийной, - интуиции, на допущении. Лишь отдельными подвижниками - избранныками Божьими, пережито и осознано личное пре-ображение, Преображение Христово в некоей светоносно преизливающейся, преизобилующей полноте Любви Господней. Пусть и отделны от нас временем, упокоены в исторической памяти и в церковном молитвословии святые мужи Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, Макарий Блаженный, Григорий Палама... Серафимушка, Саровский Чудотворец... Растворены человеческим беспамятством иные и неизвестные нам духовидцы, ихже ведаёт Сам Господь, быть может, и живущие среди нас теперь... - от-деелены. Образами Господними - нам преподаётся возможность не пережить подобное пережитому святыми Божиими, но как бы воочию – воспринять свидетельство, образное повествование о пережитом. Эстетические переживания при всматривании в эти образы, вчувствовании в эти повествования находятся в очень близкой, в очень тонкой зависимости и связи с переживанием духовным. Эстетические чувства, которые пробуждает этот образ на грани чувств экстатичных, едва ли объяснимых, едва ли уже только чувственных. Смеем высказать, что здесь – пограничная живопись, находящаяся на едва уловимой грани плоти и души, на грани души и духа, живопись, обращающего внимание предстоящего на эту грань. Человеческие составы буквально объединяются общим художественным феноменом, быть может, не имеющим себе аналогов. Усилимся же пред этим пространственным изображением воспринять его так, будто мы сами находимся внутри этой «вспышки» света преображения Господнего, внутри пространства преображающегося Господа и мы не можем различить в изливающимся нестерпимом свете ни видимых нюансов, ни даже очертаний нюансов Его тела, рук, ног, складок одежд, но знаем, что стали они как снег и белее снега, - нужно ведь хоть с чем – то выражаемым сравнить невыразимое, воспринять это Солнце Правды, образно воссиявшее перед нами, над нами и вокруг нас. Увидев даже образное свидетельство об этом сиянии, об от-свете его – вострепещем своими душами, всем существом своим, повергнувшись на зыблящуюся землю и затворяя телесные, душевные очи, духовные вежды недомысленные, произнося от себя, от глубин своих отозвавшихся вслед за апостолами: «Господи! Хорошо нам здесь быть!». И будто бы осторожно приоткрывая меж пальцами щёлочку глаз, просвет для души, томящейся в неведении, пытаясь хоть несколько распознать в этом ярком и нестерпимом ослеплённом состоянии – очертания произошедшего, происходящего и длящегося теперь же вокруг нас – по сей день – чуда откровенного образа Господнего. Образа Бого-общения человека.

Образа единокровия верующих меж собою и с Богом. Образа приближенности Бога к человеку и пребывания посреди, внутри людского множества - собора во имя Господне, неразделимого, верующего, - доверившего себя Богу и верного Господу. Пастырь со стадом Своим – паствой, единокровно, едиными усты исповедующей, что Бог – посреди нас, в непосредственной близости к Своему образу.

И ещё, общее замечание, в преварение к рассматриванию фресок Феофана. Мы, отнюдь, не собираемся претендовать в наших размышлениях на открытие чего – либо нового. Но, при всём уважении к великим трудам глубочайших исследователей творческого наследия Феофана Грека, заметим, что большинство наиболее фундаментальных исследований относится к периоду крайнего расцерковления общества и научной мысли в нашей стране, начаты и завершены в предреволюционный период, либо в самый момент революционного перелома, в эпоху торжествующего, либо стагнирующего социализма. С чем в этих трудах мы теперь не можем согласиться, чем хотелось бы несколько восполнить неоспоримые вершины научных исследований... разве что, некоторым личным субъективным опытом и личным пониманием, никоим образом, не претендующим на научность. Не станем здесь детально разбирать искусствоведческую библиографию упоминать исследователей поимённо, - совсем не от некоего неуважения к ним, но, скорее, устраняясь самого метода искусствоведения. Только ли в угоду духу нынешнего времени возвращающейся церковности осознания истории, предметов искусства в церкви, воцерковления самой исследовательской мысли. Зачастую и как правило, традиционным условием таким постулатом, основным принципом научности в исследовании являлось предварительное исследование - от-странение от личного со-чувствия, личного со-участия к предмету рассмотрения и исследования. Можем ли принять этот принцип к себе, не погрешая против естественного своего состояния. Можем ли безучастно пребывать в научном исследовательском рассматривании образа, не влюбляясь в него... Можем ли, не исказив, не извратив действительности, предположить в самом Феофане – некий религиозное безразличие, отсутствие деятельного со-существования, религиозной близости к Богу, личной близости, от-ображённой в символе, в иконе. В традиции искусствоведения можно заметить даже некоторое высокомерное неприятие личного со-участия к образу, личного деятельного вовлечения всего человека, и души его, и духовных сил, в процесс рассмотрения и исследования, которые будто бы исключают саму научность, как деятельность холодного рассудка. Духовная интуиция будто бы не восполняет, но противоречит точному знанию. Место учёному исследователю – вне этой личной близости, вне духовной заинтересованности и пред-взятости. Исследователь пребывает как бы над изучаемым предметом, взирает на этот предмет извне, с высот познающего разума – рассматривает, истолковывает нюансы, словно бы под микроскопом внешнего знания и по своему достоинству пишет слово Бог со строчной буквы. Извне взирает учёный и на личный религиозный опыт Феофана, никак не соучаствуя в нём. Словно бы не брат – мой - во Христе Феофан Грек, не образ Божий в нём, как и в самом исследователе, как и во мне самом, как и в образе исследуемом. Извне взирает исследователь и на соборный опыт живой церкви, и на личный религиозный опыт святого Григория Паламы, на духовную традицию, как бы отошедшую в прошлое, отделившуюся от жизни живых, уступившую свое место чему-то иному, актуальному теперь... И сколь неизмеримо – далеки от Истины – неизменного Себе и нам Христа таковые суждения – говорим мы исходя, опять же, из мнения личного, усиливающегося прилежать церкви и традиции.

Опасаемся иной крайности, понимаем её, - и остерегаемся в меру сил. Крайности, так сказать, «справа», - ложного чувствования, затмевающего, подменяющего Христа личным и мнительным фантазированием о Нём, пафосом, любовью неискренней, ложной. Боимся подмены, измелчания Истины, расточении сокровища своего в чувственном горячечном словоизлиянии. Неизменен Бог – но крайне изменчивы, шатки падшие чувствования. Отсережёмся их и не отринем, помня святоотеческие предостережения: «я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу». Так говорил авва Дорофей к монашествующим, сущим на земле в ангельском чине. Доверимся ли столь отважно Господу опосредованные своими изменчивыми чувствованиями, мы, погрязшие в теснинах мира сего, вне живого окормления аввы - доверим ли себе? Угасим ли чувствования, благочестиво оскопляя их? Преклонимся к Богу и откроем Ему сокровенные свои чувствилища перед Его образом, со смирением и осторожностью, со страхом Божиим и трепетом – приступая с упованием, вне страхований греховных. Веруем, что не отринет, не оставит вразумляющий Господь.

Можно с долей значительной вероятности говорить о том, что учёные исследования, отстранённые от личного со-чувствия и деятельного духовного со-участия образу, преимущественно, вообще вне – религиозны, нарочито вне-традиционны, само – устранены от церкви, - так проявило себя данничество расцерковлённому духу времени, как условие официально приемлемой и принятой научности: устранённость исследователя от личного духовного прилежания, от сочувствия к предмету, от свидетельства о Боге Живом. Личное прилежание, сочувствие образу при его рассмотрении могут быть внутри научного сообщества сочтены чем-то неуместным, чуждым, не-при-личным даже к учёному занятию, мешающими незамутнённому ничем – научному исследованию предмета «чистым» разумом учёного. Не таков падший разум, и возмущённый, и кипящий – не чист он сам по себе, вне Бога, - так усваиваем от осторожного в подвиге святителя Игнатия. Объект исследования остаётся внешним для этого разума. Проблема Богоискательства не является личной проблемой рас-церковлённого ума исследователя образа Божьего, а Сам Бог – не является внятной, артикулированно высказанной, даже под-разумеваемой личной целью исследователя церковного предмета, религиозного искусства: храма, иконы, мозаики... а в данном случае – фресок, в которых учёный исследователь видит объект эстетического уважения и гуманистического поклонения, научного анализа, душевного благоговения перед творческим порывом и художественным достижением. Исследователь от-страняется от самого объекта, как от средневекового заблуждения религиозной мистики. Собственно мистика – тайноводство человека к Живому Богу, открывающемуся через образ, – не увлекает учёного. Разум и душа вне личного увлечения, остаются хладны или тепло-хладны перед образом, безучастно созерцают извне то, как должно быть увлекались иные в давние времена, как увлекаются образом современники, далёкие от «научного» познания «чистым» разумением. Перед духовно безучастным исследователем не стоит задачи личного сущностного познания, но лишь истолкование эстетики, стиля, улавливание сетями суждений исторической канвы, наращивание общего понимания иконографических программ в исторических перипетиях и, опять же отвлечённо извне, - неких Богословских смыслов исследуемого образа. Научные усилия уходят на воссоздание сюжетной канвы, атрибуции, уяснение композиционных законов, аналогий, нюансов программной организации живописи. Воссоздание полноты утраченных композиций, зачастую, своевольное додумывание сюжетов по изученным аналогиям с образами, известными в

других «памятниках культуры»... Живущее и актуальное сквозь времена духовное явление действительно рассматривается, как памятник, словно бы некая окаменелость от ушедших эпох, надгробная плита над иссякнущим бытием на затерянном погосте. Всё это традиционно составляет науку ведения об искусстве образа, ведения о творческом процессе церковного мастерства. В этом ведении, как представляется, словно бы нарочито, искусственно удалено у живущего человека нечто чрезвычайно важное, словно бы физически ампутирован познающий и ведающий орган познания – оскоплено познающее сердце исследователя, буквально предназначенного своим занятием к тому, чтобы лично проникновенно и деятельно - двигаться всею личной жизнью - по следам образа – от следа к следу. Из этого исследования словно бы устранена личность мастера, устранена и Личность Творца, рассматриваются лишь результаты неких творческих актов Бога и человека. Не Творец предстоит творению - человеку, не творец исследователь предстоит творцу художнику, не творец своей души, возрастающей в Боге – предстоит перед духовным исканием и душевной красотой мастера живописца... но сухой рассудок, отстранённый от мешающих, побочных, не существенных явлений, устранён от литургии, от со-участия в Богослужении с древним мастером образа, от сопричастности к тому, что создавалось в мрачном средневековье, ещё «не возросшем» до высот гуманизма. С этих позиций исследователю возможно и святого Григория Паламу отнести к чуть ли не сектантскому явлению в церкви, а движение исихазма – к некоему заблуждению, а практическую увлечённость мастера Феофана умной молитвой – отнести к достаточно интересной в рассмотрении ко внешнему обсуждению – некоей «изюминке» конкретного автора – гения, вполне соотносимого с иными мастерами, скажем, с Эль Греко или мастерами высокого возрождения – на Святой Руси...

Попытаемся же - устраниться от подобной традиции суждений, как от чужеродной, разъедающей среды, не дающей нам пространства для раскрытия нашей любви и нашего вос-приятия образа. Высвободимся из отчуждения от образа, словно бы из уз, стискивающего гуманистического приличия, властно повелевающего нам не противоречить признанным научным канонам. Вот и не станем противоречить, но, упомянув о них, окажемся в стороне, не вступая в полемику, не пленяясь задором осуждения под видом рассуждений... но воспользуемся, безусловно благодарно – воспользуемся достижениями исследовательских усилий.

Кропотливо и досконально из-учены, детально описаны и скопированы феофановы фрески. Ис-следованы, казалось бы, в самых мельчайших нюансах, во всех оставшихся нам росчерках и биениях кисти мастера. Своевольно дополнены научными суждениями, словно бы дописаны за Феофаном обширные утраты в живописи фресоковых монументальных пространств храма. Повторимся: во многом – это плоды своевольных научных фантазий. И мы – погрешим тем же, но возлагая дерзновенные упования на милость Господнюю к творческой интуиции, убоимся чувственных эстетических заблуждений, псевдорелигиозных придыханий, подменяющих истинный путь и верное понимание... И, остепенившись так, - ступим осторожно по пути того, что изображено Феофаном и через него – открыто Господом всякому взирающему. Здесь требуется, как неременное условие, молитвенная сосредоточенность и внимание, аккуратность в слове, осторожность в чувстве и благоговение перед раскрывающимся, безусловное уважение к автору этих образов. Помощью на этом пути – приятие, как некоего неременного постулата - убеждённости в

том, что традиция православия непрерывна, приятие того, что по сути – ничто не изменено в связи человека и Бога в жизни живой единой, святой, соборной (собирающей верных во временах пред вечностью) апостольской церкви. Удерживая перед собой нить образа, воспринятую от века 14-го, мы и теперь движемся по тому же, что и наши предшественники, естественному и верному пути к Единому на потребу. Нет некоторых этапов, которыми можно без умерщвления жизни церкви – расчленив, отделить некоей пропастью искусство средневековое, гуманистическое, некое переходное от русского православного к европейскому... Подобные разделения, умственный детерминизм - область искусствоведения, эстетических эскапад, стилистических изысканий... - отсутствует в живой связанности человека и Творца, что и составляет желанный и основной предмет наших размышлений перед образами. Всяческая дискретность отсутствует в литургии, длящейся непрерывно по часовым поясам вслед вращающейся планете уже более двух тысячелетий... в молитвенном взаимопроникновении человека и Творца, образа и Первообраза... в неизменном, незыблемом литургическом динамическом стасисе земной и небесной церкви, - всяческая изменчивость восприятия, эстетики, практику изображений образа вмещены этой молитвенной всё проникающей неподвижностью... Даже и поверхностное прикивание к церковной практике и традиции успокоит нас и обнадёжит, и возрадует великим праздником Торжества Православия, праздником образа, торжествующего над всяческою изменчивостью, над всякою мелочью временных перемен, над иконоборческими вириями и неотступными от церкви веяниями апостасийных противостояний... И следующий в черед ежгодной пасхалии вслед за праздником триумфального образа, вслед за Торжеством Православия в течение Великого поста – праздник - событие, проживаемое внове соборне - про-истекает над Торжеством, увенчивает почитание иконописного образа – нееделя почитания святителя Григория Паламы – святого мужа, опытно и пытливороведущего о существе существе нетварных энергий, произливающих в мир от преизбытка Божественной благодати. Совсем уж устранившийся ум – мог бы отринуть соборный опыт церкви, как зыбкое основание, как чужеродное опытное знание, не нужное для личных научных суждений. Неизменен Бог, неизменна церковь, литургия в ней, неизменно православие, ликующее во святых, неизменно ниспосланное нам в огненных языках православие, вос-чувствованное въяве прожитое, и вос-принятое в практику церковью мироощущение, ощущение Бога, связанное с писаниями святого Григория Паламы. Начала этого ощущения, исток этого знания, наследуемого в традиции и предании - от самого Истока христианства, от Истока зарождения Церкви, от сотворения мира, от личного Богообщения человека в раю, – явственно изливаются живописаниями мастера Феофана Гречанина. Неизменна литургия, неизменно прилежание к ней людей, церкви, не иссякает, не оскудевает церковь благодатью и не мерою отмеряет нам Господь эту благодать. Неизменен Бог во всех перипетиях текучего времени, это люди – изменяются в бурных стремниах и перекатах истории, замутняют эти потоки, заиливают грехом светлые глубины: грубеют, впадают в отступничество, помрачения, впускают личного и коллективного беса богоборчества, и, впусив его, позволяют себе писать об образе Божьем. Устранимся с осторожностью от восприятия чуждых, даже и научных писаний, как от ложного пути следования к Истине. Устранимся от ведомой ли – неведомой - личной хулы пред образом Божьим. Господи, вразуми...

Но сколь недолговечна человеческая жизнь, сколь незначительны пределы её течения от земного истока - рождения человека, возрастания, возмужания, вхождения в творческие возраст – и иссякновения ... краток срок. Яко трава – дни. И сколь знаменательны возрастные вехи этой жизни. В возрасте около 40 лет зрелый муж – творец Феофан вполне воспринимает писание, учение, плоды практических достижений своего старшего современника святого отца Григория Паламы... творит фресковый ансамбль росписей в Новгороде. В возрасте этом же сам Григорий Палама, опытно познавший глубины монашеского молитвенного созерцания, – писал, свидетельствовал о Познанном, многие годы искушаясь в полемике с нечестивым скептиком и монахом – гуманистом Варлаамом. Говорим здесь о возрасте, не ставя задачей скупулёзно и детально сопоставлять жизненные этапы, но ощутить некие возрастные периоды, характерные жизненные вехи, свидетельствующие о вхождении человека в некую личную полноту сил. Не продолжительна, человеческая жизнь, яко трава - дни. Получив подобное ведение, человек проживает ещё, быть может, столько же, аще в силах – к тому, чтобы, быть может, утвердиться в дарованном ему, утвердить своих ближних, своих современников, насколько это возможно и приблизиться к Богу, стяжая Его благодать. Приблизиться к Богу... В этом же возрасте наши современники, пишут о Феофане к юбилейной дате фресок, спустя шестьсот лет от их создания, могут произносить свои суждения о нём, как о возрастном ровеснике из прошлого, будто бы понимая теперь больше и глубже, взирая с высот своего времени. Умозаключения человека, глаголы уст, неизменно проистекают от евангельской полноты сердца... Удалены ли от прилежания к Богу сердца наших со-путникоов в реке времён, извлечённых из литургии. Глаголют избытком своим через уста, либо словами машинописанными истекают заключения ума, так часто хулительные по сути, - о мракобесии Феофана, о крайнем унынии изображённых образов, о безнадежности сюжетов, о помрачённости и зыбкости этих икон, зыблящихся на стенах, не создавая постоянного неперемного ощущения красоты, о некоей пугающей экзатичности, о незаконномерных истечениях света... о заблуждениях человека средневековья, помыслившего об этом свете, как о свете Божественных нетварных энергий... об отчаянии самого мастера Феофана Грека, отчаянии и личном разуверении в достижимости плодов приложенных усилий в стяжании Бога на пути исихастского делания... Так износит свои суждения традиционный искусствоведущий экзегет. По сути, говоря и толкуя нам о фресках мастера Феофана, глубоко учёный ум нашего современника, осознанно ли, - уподобляясь уму учёного монаха Варлаама, продолжает неистовую битву – полемику с Григорием Паламой, противоборствует образу и деятельно, практически, жизненно – противостоит Православию, торжествующему в образе. Так на страницах учёных изданий возобновляется энтузиазм и дух иконоборчества. Растаскиваются на цитаты в популярных брошюрах подобные суждения, «канонизируются» научным братством, принимаются сообществом... Напитываются от этих суждений и вос-питываются ими безмолвствующие, слепотствующие интуитивно пытливые современники. И мы среди них – во след за вождями – утолим ли жажду от потока этих слов. Умножая свои словеса и суждения, изольём ли большею чистотой личное мнение, отстоявшееся в нашей нечистой сердцевине... Благослови, Господи.